

УДК 342.7

doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-6

Смерть человека в контексте определения границ его правосубъектности

Е. А. Капитонова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

e-kapitonova@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Достижения современной медицины детерминируют новую волну репроблематизации критериев определения смерти мозга и различных юридических вопросов, с нею связанных. Целью работы является определение новых подходов к этой теме с учетом новаций социальной практики и отдельных судебных решений, отчасти расширяющих рамки понимания составных элементов правосубъектности личности, часть которых способна реализоваться даже после смерти их носителя. *Материалы и методы.* Предметом изучения избраны научные публикации, связанные с переосмыслением границ существования правосубъектности личности во времени, а также нормативно-правовые акты, отражающие влияние смерти человека на его права и обязанности. Автор использовал метод системного анализа и формально-юридический подход, задействовал общенаучные методы, позволившие построить собственные выводы на основе обобщения изученной информации. *Результаты.* Анализ смерти человека осложняется необходимостью ее оценки с двух точек зрения: как состояния, требующего точной диагностики, и как юридического факта, влияющего на правовой статус не только самого умершего, но и связанных с ним лиц (правопреемников, наследников и др.). Автор предлагает считать смерть индивида закономерным финалом существования его правосубъектности. Однако в современных условиях неполной ясности разграничения смерти мозга и пограничных состояний, а также развития возможностей поддержания функционирования организма человека уже после констатации бесповоротной утраты мозгом своих функций смерть может представлять собой не ясную конечную точку, а растянутый во времени процесс, что обуславливает необходимость внесения ряда изменений в законодательство. *Выводы.* Предложено унифицировать подход к оценке трансформации прав умершего в элементы правового положения живых лиц, призванных их реализовывать, посредством использования термина «правовой модус личности», в который автор вкладывает понимание совокупности ответственности, обязанностей и ограничений прав и свобод конкретного индивида.

Ключевые слова: правосубъектность личности, смерть человека, правовой модус личности, трансплантация органов и тканей, посмертное донорство

Для цитирования: Капитонова Е. А. Смерть человека в контексте определения границ его правосубъектности // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 3. С. 74–82. doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-6

Death of a person in the context of defining the boundaries of his legal personality

E.A. Kapitonova

Penza State University, Penza, Russia

e-kapitonova@yandex.ru

Abstract. *Background.* The achievements of modern medicine determine a new wave of reproblematicization of criteria for determining brain death and various legal issues related to it. The purpose of the work is to identify new approaches to this topic, taking into account innovations in social practice and individual court decisions, partly expanding the scope of understanding the constituent elements of a person's legal personality, some of which can be realized even after the death of their bearer. *Materials and methods.* The subject of the study is scientific publications related to rethinking the boundaries of the existence of a person's legal personality over time, as well as normative legal acts reflecting the impact of a person's death on his rights and duties. The author used the method of system analysis and a formal legal approach, used general scientific methods that allowed him to draw his own conclusions based on the generalization of the studied information. *Results.* The analysis of human death is complemented by the need to evaluate it from two points of view: as a condition requiring accurate diagnosis, and as a legal fact affecting the legal status of not only the deceased himself, but also related persons (legal successors, heirs, etc.). The author suggests considering the death of an individual as the natural finale of the existence of his legal personality. However, in modern conditions of incomplete clarity of the distinction between brain death and borderline states, as well as the development of the possibilities of maintaining the functioning of the human body after the irrevocable loss of its functions by the brain, death may not be a clear endpoint, but a time-consuming process, which necessitates a number of legislative changes. *Conclusions.* It is proposed to unify the approach to assessing the transformation of the rights of the deceased into elements of the legal status of living persons who are called upon to implement them by using the term "legal modus of individual", in which the author puts an understanding of the totality of responsibilities, duties and limitations of the rights and freedoms of a particular individual.

Keywords: legal personality, human death, legal modus of the individual, organ and tissue transplantation, postmortem organ donation

For citation: Kapitonova E.A. Death of a person in the context of defining the boundaries of his legal personality. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(3):74–82. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-3-6

Введение

Со времен зарождения прикладных отраслей знаний развитие науки ставило перед человечеством сложные вопросы, обусловленные необходимостью постигать соотношение новых технологий и границ человеческой этики, пользы и допустимого вреда, прогресса и морали. Почти каждое значимое открытие, способное улучшить или спасти жизнь человека, имеет обратную сторону – может наметить новые ориентиры для оценки границ применения научных достижений с тем, чтобы свести к минимуму потенциальные угрозы и переосмыслить отдельные устоявшиеся в обществе принципы и парадигмы.

И без того вызывающая споры концепция смерти мозга, которая приравнивается в большинстве стран мира к физической гибели организма человека, в последние годы подвергается критике с точки зрения специалистов, изучающих скорость и обратимость процесса отмирания нейронов после прекращения функционирования тех или иных органов и тканей. В то же время расширяются границы понимания возможностей человеческого тела даже после смерти мозга. Так, в июне 2025 г. в американском штате Джорджия врачи с успехом приняли роды ребенка, матери которого диагностировали смерть мозга на девятой неделе беременности и с тех пор поддерживали функционирование ее организма на аппаратах жизнеобеспечения, чтобы соблюсти требования закона штата об ограничении аборт [1]. Мнение близких родственников при этом во внимание не приняли, хотя все затраты по содержанию пациентки в больнице за время продленной беременности в итоге возложили на них.

Таким образом, в настоящее время установление четкого момента смерти человека как границы существования его правосубъектности переживает новую волну репроблематизации. В наибольшей степени подобные вопросы относятся к предмету изучения биоэтики, однако правовая наука также должна включиться в обсуждение и разработку новых подходов к этой теме с учетом современных достижений медицины, новаций социальной практики и отдельных судебных решений, отчасти расширяющих рамки понимания составных элементов правосубъектности личности, часть которых способна реализоваться даже после смерти их носителя. Обозначение направлений данной работы и определение возможных векторов их развития как раз и является целью настоящей статьи.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужил диалектический подход, органично объединяющий широкий спектр общенаучных методов, включая мыслительные процедуры анализа и синтеза, логико-дедуктивные и индуктивные способы рассуждений, теоретическое построение гипотез и создание моделей. Применение указанных инструментов в тесной взаимосвязи обеспечило возможность всестороннего изучения имеющихся в российской юриспруденции научных концепций относительно связанных с темой правовых феноменов, а также интеграции существующих подходов и учета разнонаправленных мнений с целью систематизации и формулирования собственных научно-правовых взглядов и выводов. Дополнительное использование формально-юридического метода позволило оценить суть нормативных положений и судебных актов, касающихся установления момента смерти человека и его влияния на возможность реализации принадлежащих личности прав и обязанностей.

Результаты и обсуждение

Российское законодательство четко определяет порядок констатации физиологической смерти человека (ст. 66 Федерального закона «Об основах

охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950²). С одной стороны, поводом для нее может стать признание биологической смерти, под которой понимается необратимая гибель человека, устанавливаемая медработником при наличии трупных изменений. С другой стороны, консилиум врачей, состав которого также оговорен законом, может диагностировать у пациента смерть мозга. Установление этого диагноза проводится в соответствии с утвержденными приказом Минздрава России правилами³. Однако, несмотря на наличие в нормативном акте четких критериев диагностики, сформулированных медицинским сообществом и в целом общепринятых на уровне всего мира, сама концепция смерти мозга уже не первое десятилетие продолжает вызывать споры и сомнения по целому ряду аспектов – причем как у российских, так и у зарубежных ученых [2–4].

Анализ имеющегося ограниченного круга связанных с данной тематикой русскоязычных публикаций показал, что представители юридической науки, в отличие от философов и врачей [5], интересуются подобными вопросами существенно реже и со своей специфической стороны, что в целом объяснимо. Правоведов по объективным причинам выхода за пределы их компетенции в меньшей степени волнуют сам алгоритм констатации смерти мозга и тонкости ее отличий от всевозможных близких к ней состояний. Достаточно редки случаи обращения к оценке причин смерти в рамках судебно-медицинской экспертизы [6] и попытки анализа смерти мозга как одного из возможных пределов уголовно-правовой охраны жизни человека [7]. Куда больше внимания уделяется связи такого диагноза с посмертным донорством и конкретно с процессом получения от самого смертельно больного пациента либо от его родственников (законных представителей) согласия на изъятие органов и тканей [8]. Именно в этом специалистам обоснованно видится главная этическая дилемма между спасением жизни и риском злоупотреблений, точка напряжения и опасений по поводу потенциальных врачебных ошибок. Росту социального недоверия в этой сфере отчасти способствуют и сами медработники, непрофессиональные действия которых приводят к громким судебным делам. Ошибочные действия со стороны врачей в процессе реанимации и констатации смерти мозга регулярно становятся основанием взыскания компенсации морального вреда в пользу родственников умершего пациента⁴ либо административных штрафов по результатам некачественного оказания медуслуг⁵.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека : постановление Правительства РФ № 950 от 20 сентября 2012 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 39. Ст. 5289.

³ О Порядке установления диагноза смерти мозга человека : приказ Минздрава России № 908н от 25 декабря 2014 г. // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 09.06.2023 по делу № 33-961/2023 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

⁵ Решение Курского областного суда от 14.05.2020 по делу № 12-50/2020, 5-1/2020 // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.08.2025).

Не углубляясь в обозначенную проблематику, отметим лишь, что ее разрешение требует взвешенного подхода, результатом реализации которого должно стать нормативное закрепление на федеральном уровне четких и ясных критериев оценки всех существующих пограничных состояний, а также пределов усмотрения родственников и врачей при решении судьбы человека, гарантирующих надлежащий учет всех охраняемых законом интересов. Данная концепция находит свое отражение в том числе в решениях Европейского Суда по правам человека (чьи суждения в России после выхода из-под его юрисдикции в 2022 г. утратили общеобязательное значение¹, однако могут быть полезны с точки зрения расширения пространства научной дискуссии), который в ходе разрешения конкретных дел неизменно уклоняется от толкования права на жизнь в контексте права на смерть и оставляет этот вопрос на усмотрение государств, имеющих право самостоятельно разрешать сложные научные, правовые и этические проблемы, по которым на данный момент отсутствует международный консенсус².

Оценка смерти человека не как повода для точной диагностики, а исключительно в статусе юридического факта приводит к иным выводам. В качестве такового смерть до начала XXI в. традиционно выступала абсолютной темпоральной границей правового положения личности, т.е. после момента наступления смерти конкретного индивида элементы его правового статуса утрачивали свое значение, а умерший уже не мог рассматриваться в качестве субъекта каких-либо прав и обязанностей. В 2000-е гг. понимание влияния смерти на правосубъектность человека начало меняться. Одними из первых о продлении ее существования за пределы смерти заговорили, в частности, А. И. Ковлер, А. А. Демичев и О. В. Исаенкова [9, с. 460–461; 10, с. 86]. В качестве аргументов приводились, к примеру, факт установления в Уголовном кодексе РФ ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), а также положения Федерального закона «О погребении и похоронном деле»³, гарантирующие учет волеизъявления лица о достойном отношении к его телу после смерти (ст. 5). В 2010-е гг. намеченные доводы стали подкрепляться ссылкой на новейшие достижения медицины и взаимной подчиненности в этом смысле правовой презумпции и биологической действительности. Так, А. А. Рыжова указала, что правосубъектность гражданина в ряде случаев может не прекращаться со смертью, «поскольку процесс умирания имеет определенные стадии, растянутые во времени» [11, с. 46]. В 2020-е гг. отдельные исследователи в попытке объяснить отсутствие безусловной зависимости правосубъектности личности от обще-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : федер. закон № 183-ФЗ от 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3943 ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон № 180-ФЗ от 11 июня 2022 г. // Собрание законодательства РФ. 2022. № 24. Ст. 3940.

² Дело «Ламбер и другие (Lambert and Others) против Франции» (жалоба № 46043/14) : постановление Европейского Суда по правам человека от 5 июня 2015 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 9.

³ О погребении и похоронном деле : федер. закон № 8-ФЗ от 12 января 1996 г. (ред. от 6 апреля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

принятого понимания конечности ее жизни стали предлагать новые понятия, характеризующие протяженность процесса прекращения закрепленных законом прав человека и гражданина. Например, Д. В. Пятков выдвинул достаточно оригинальную концепцию деструкции правоспособности как длительного процесса ее прекращения с постепенным исчезновением отдельных элементов [12].

Подобные мнения, бесспорно, заслуживают право на существование, хотя здесь уместнее говорить, скорее, о некоторых «остаточных» правах, реализуемых посредством предусмотренного законом активного поведения живых лиц. Схожие суждения высказывает, к примеру, Е. В. Богданов, считающий, что смерть в любом случае выступает концом правосубъектности конкретной личности, однако принадлежавшие ей права и обязанности переходят к особому субъекту права – обществу, которое, в свою очередь, устанавливает порядок перехода их к наследникам либо оставляет их за собой и делегирует определенному кругу лиц возможность их защиты в случае нарушения [13, с. 26–29]. Подтверждением правильности такого подхода могут стать также постановления Конституционного Суда. К примеру, в контексте исследования конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, позволявших прекратить уголовное дело в связи со смертью подозреваемого без учета мнения его близких родственников, требующих реабилитации умершего, было установлено, что конституционное право на охрану достоинства личности распространяется не только на период жизни человека, что на практике означает необходимость предоставления государством правовых гарантий для защиты чести и доброго имени умершего, сохранения достойного к нему отношения¹.

В то же время в контексте понимания конечности человеческого бытия и необходимости задействования в последующей реализации прав умершего поведения других лиц было бы правильнее говорить не столько о продлении личной правосубъектности за пределы смерти, сколько о расширении после этого момента прав и обязанностей лиц, связанных с умершим. Более того, нельзя утверждать, что смерть одного человека порождает хоть какие-то права у другого, которые были бы связаны непосредственно с пролонгированием прав и обязанностей первого. Широко распространенные для иллюстрации подобных ситуаций примеры авторских и наследственных прав, как представляется, выступают в большей степени в составе элементов правового статуса правопреемника, обновленного после смерти автора либо наследодателя. Другие примеры защиты законных интересов умершего выражаются исключительно в обязанностях, ответственности и ограничениях прав и свобод лиц, потенциально способных навредить этим законным интересам или призванных реализовать их своим активным поведением. Таким образом, предложенное Е. В. Богдановым суждение об особом порядке перехода и последу-

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко : постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 2). Ст. 4698.

ющего делегирования элементов правосубъектности может быть уточнено указанием на объем этого перехода и сопутствующую трансформацию содержательного наполнения.

В этом смысле более уместным представляется использование предложенного автором настоящей статьи термина «правовой модус личности», который подразумевает сочетание предусмотренных законом обязанностей, ответственности и ограничений прав и свобод конкретного человека, посредством которых гарантируется его правомерное поведение. Смерть конкретного индивида абсолютно и окончательно прекращает его собственную правосубъектность, но в то же время в целях реализации его законных интересов может дополняться новыми элементами правовой модус связанных с ним тем или иным образом лиц (например, возложить на наследника обязанность по осуществлению погребения завещателя в соответствии с его волей, согласно требованиям ст. 1139 Гражданского кодекса РФ).

Именно в категориях «обязанность» и «ответственность» мыслят любое продление составных элементов правового статуса умершего и высшие судебные инстанции. К примеру, оценивая временные пределы возможности реализации обязанности компенсировать моральный вред потерпевшему, Конституционный Суд в 2025 г. признал возможность перехода этой обязанности к наследникам даже в случае смерти неосужденного преступника¹.

Заключение

Проведенный анализ влияния смерти человека на возможность пролонгации существования его правосубъектности позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Смерть индивида следует считать закономерным финалом существования его правосубъектности, хотя в современных условиях неполной ясности разграничения смерти мозга и пограничных состояний, а также развития возможностей поддержания функционирования организма человека уже после констатации бесповоротной утраты человеческим мозгом своих функций смерть может представлять собой не ясную конечную точку, а растянутый во времени процесс. В связи с этим требуют уточнения вопросы правового регулирования пределов усмотрения родственников и врачей при решении судьбы человека, гарантии надлежащего учета всех охраняемых законом интересов и формирование унифицированного подхода к оценке трансформации прав умершего в элементы правового положения живых лиц, призванных их реализовывать.

2. Понятие «правовой модус личности», в которое автор настоящей статьи вкладывает понимание совокупности ответственности, обязанностей и ограничений прав и свобод конкретного индивида, отражает суть изучаемого вопроса лучше, чем концепция той или иной пролонгации правосубъектности

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. Г. Байгускаровой и М. Г. Мухаметчина : постановление Конституционного Суда РФ № 24-П от 29 мая 2025 г. // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 3104.

после смерти человека. Любые законные интересы умершего реализуются именно посредством элементов правового модуса уполномоченных и обязанных лиц, а не в результате констатированного сохранения субъективных прав первоначального субъекта. Следовательно, правильнее будет говорить не о пролонгации прав и обязанностей покойного, а о трансформации и дополнении обязанностей и об ограничении третьих лиц, поведение которых тем самым будет направлено в нужное русло – на защиту законных интересов умершего.

Список литературы

1. Baby delivered from brain-dead woman on life support in Georgia // The Associated Press. URL: <https://apnews.com/article/pregnant-woman-brain-dead-georgia-baby-delivered-1dbc32dc986926a8cf65780a3e738dac> (дата обращения: 10.08.2025).
2. Ильченко К. В. Смерть мозга – смерть человека: этико-философский и правовой дискурс // Юридическая мысль. 2017. № 4. С. 29–36.
3. Король А. С. Является ли смерть мозга смертью человека или нет? // Вестник научных конференций. 2025. № 4-4 (116). С. 72–73.
4. Miller F. G., Truog R. D. Death, Dying, and Organ Transplantation: Reconstructing Medical Ethics at the End of Life. Oxford : Oxford University Press, 2011. 198 p.
5. Попова О. В. Диагноз «смерть мозга» как научный факт и социальная конструкция // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2019. Т. 21, № S. С. 178.
6. Путинцев В. А., Богомолов Д. В. Классификация смерти в судебной медицине с учетом современных реалий // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 42–48.
7. Аюпова Г. Ш. Пределы уголовно-правовой охраны жизни человека // На страже закона. 2025. № 1. С. 21–26.
8. Евдокимова Д. В. Правовые аспекты трансплантации органов и тканей в Российской Федерации и зарубежных странах // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 403–410.
9. Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. М. : Норма, 2002. 480 с.
10. Демичев А. А., Исаенкова О. В. Смерть с точки зрения права // Государство и право. 2008. № 8. С. 86–89.
11. Рыжова А. А. Право на смерть и прекращение конституционной правосубъектности гражданина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2. С. 40–48.
12. Пятков Д. В. Смерть человека в контексте учения о лицах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 112–133. doi: 10.17323/2072-8166.2020.3.112.133
13. Богданов Е. В. Проблемы правосубъектности человека // Государство и право. 2017. № 1. С. 23–29.

References

1. Baby delivered from brain-dead woman on life support in Georgia. *The Associated Press*. Available at: <https://apnews.com/article/pregnant-woman-brain-dead-georgia-baby-delivered-1dbc32dc986926a8cf65780a3e738dac> (accessed 10.08.2025).

2. Ilchenko K.V. Brain death is human death: ethical, philosophical and legal discourse. *Yuridicheskaya mysl = Juridical thought*. 2017;(4):29–36. (In Russ.)
3. Korol A.S. Is brain death the death of a person or not? *Vestnik nauchnykh konferentsiy = Bulletin of scientific conferences*. 2025;(4-4):72–73. (In Russ.)
4. Miller F.G., Truog R.D. *Death, Dying, and Organ Transplantation: Reconstructing Medical Ethics at the End of Life*. Oxford: Oxford University Press, 2011:198.
5. Popova O.V. The diagnosis of “brain death” as a scientific fact and a social construct. *Vestnik transplantologii i iskusstvennykh organov = Bulletin of transplantology and artificial organs*. 2019;21(S):178. (In Russ.)
6. Putintsev V.A., Bogomolov D.V. Classification of death in forensic medicine taking into account modern realities. *Vestnik voyennogo prava = Bulletin of military law*. 2024;(4):42–48. (In Russ.)
7. Ayupova G.Sh. Limits of criminal-legal protection of human life. *Na strazhe zakona = On guard of the law*. 2025;(1):21–26. (In Russ.)
8. Yevdokimova D.V. Legal aspects of organ and tissue transplantation in the Russian Federation and foreign countries. *Voprosy rossiyskoy yustitsii = Issues of Russian justice*. 2021;(16):403–410. (In Russ.)
9. Kovler A.I. *Antropologiya prava: uchebnik dlya vuzov = Anthropology of Law: textbook for universities*. Moscow: Norma, 2002:480. (In Russ.)
10. Demichev A.A., Isayenkova O.V. Death from a legal perspective. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2008;(8):86–89. (In Russ.)
11. Ryzhova A.A. The right to death and termination of the constitutional legal capacity of a citizen. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2017;(2):40–48. (In Russ.)
12. Pyatkov D.V. The death of a person in the context of the doctrine of persons. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(3):112–133. (In Russ.). doi: 10.17323/2072-8166.2020.3.112.133
13. Bogdanov E.V. Problems of human legal personality. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2017;(1):23–29. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Елена Анатольевна Капитонова
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Elena A. Kapitonova
Candidate of juridical sciences, associate
professor, associate professor
of the sub-department of criminal law,
Penza State University (40 Krasnaya
street, Penza, Russia)

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 24.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.08.2025

Принята к публикации / Accepted 15.09.2025